

К.О. Цыплякова
Екатеринбург

**Особенности языковой игры в журнальной публицистике
XIX и XX веков: сопоставительный анализ**

Ключевые слова: языковая игра, публицистический текст, лингво-креативная деятельность, идеологема, сопоставительный аспект анализа.

Языковая игра – эффективный и эффектный способ привлечь внимание собеседника. Будь то очередной рекламный слоган, трудно воспринимаемая лекция или мимолетная реплика незнакомца – ЯИ расцвечивает любой текст, активизируя читательское сознание. Феномен ЯИ заключается в «неканоническом использовании языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних, пусть даже эта установка ограничивается стремлением привлечь внимание к форме речи, “не быть скучным, пошутить”» [Гридина 1996: 4].

Неисчерпаемый творческий потенциал ЯИ обуславливает интерес исследователя языка не только к разгадыванию игрового шифра, но к основным процессам развития ЯИ, и соответственно к динамике отношений «человек-язык». Смена двух веков, девятнадцатого и двадцатого, каждый из которых составляет значимую для развития языка и страны эпоху, в этом смысле очень показательна.

Девятнадцатое столетие (а именно его тридцатые годы) интересно тем, что это своеобразный «восход» ЯИ, демонстрирующий ее глубинные творческие возможности [Рут, Иванова 2009]. Обращение к материалам XX века – некая проверка ЯИ на прочность и чуткость: поменяется ли характер творческой направленности в новых нестабильных условиях действительности. Мы предполагаем, что в контексте масштабных социальных и языковых изменений языковая игра века получит новое звучание.

Итак, принимая издания пушкинского периода за определенную точку отсчета, сравним особенности бытования языковой игры в текстах журнальной публицистики XIX (его первой половины) и XX веков.

В ходе анализа материала было решено ограничиться 200 фактами ЯИ: по 100 на каждый период. В соответствии с концепцией Т. А. Гридиной [Гридина 1996], каждый игровой случай был описан с позиции конструктивного принципа, основы ассоциации и операциональных механизмов, организующих его творческую сущность.

Источником материала стали авторитетные литературные журналы. Языковая игра первой половины XIX века была рассмотрена на материале таких изданий, как «Сын Отечества», «Московский Телеграф»,

«Северные цветы», «Северная пчела», «Телескоп», «Современник». Что касается временных характеристик, то самый «ранний» анализируемый журнал датируется 1827-ым годом, а самый поздний – 1839-ым. Обращаясь к журналам XX века мы ограничились «Литературной газетой», «Новым миром», и «Красной Новью», однако расширили временные рамки исследования: с 1925 по 1980 гг.

Сравнительный анализ языковой игры на материале журнальной публицистики XIX и XX веков позволяет нам сделать следующие выводы.

Первое различие между игровыми явлениями разных эпох – внешнее, оно касается тематической принадлежности «играющих» текстов или, иными словами, «места обитания игры». В XIX веке серьезные, официальные тексты сохраняют свою чисто информационную направленность, поэтому материалы таких рубрик, как «Внутренние известия», «Политические новости» лишены примеров ЯИ. Но разделы «Литературное обозрение», «Смесь», «Критика», «Моды», «Обзор российской словесности» и т. д. гарантировано будут «играть», стараясь привлечь внимание читателя своей «цветистостью».

В XX веке уверенность, что «играющие» фрагменты обязательно обнаружатся в литературно-критических статьях зачастую не оправдывает себя. Экспрессивность создается за счет яркой пропаганды идейного начала и активного его выявления в описываемых событиях и человеческих характеристиках. «Поэт рабочего класса Ф.С. Шкулев», «Лицо, которое продано», «Кружок крестьянских писателей», «Вечер поздравлений М. Горького» – все эти статьи, хотя формально и относятся к разряду «облегченных», лишены не только игрового, но и вообще творческого начала. Плоские и однозначные – они не вступают в диалог с читателем, их содержание лежит на поверхности. Счастливые «играющие» исключения обнаруживаются иногда в упомянутом выше «литературном поле»: «Литературные края», «Критика и библиография», «Публицистика», «Литературная критика» «Литературная критика», «Литература и искусство», и, что интересно, в рубриках с общественной направленностью: «Искусство и общественная жизнь» и направленностью иностранной: «Дома и за границей», «На зарубежных темы», «Отклики и комментарии. По страницам иностранным журналов».

Во-вторых, анализ структурных особенностей ЯИ разных эпох позволяет сказать, что в любой период ее существования ЯИ является свободной, только в сопоставляемые периоды эта свобода проявляется по-разному. В XIX веке ЯИ свободна в проявлении своей творческой, озорной, несколько насмешливой сущности. Она не боится занимать много места, напротив, ее обилие делает текст легче и свежее, о чем и свиде-

тельствуется высокая продуктивность контекстуальной зоны ассоциативности, сравнению с междусловной и внутрисловной. Яркий игровой эффект достигается в основном в определенном текстовом окружении, иначе — семантические сдвиги и игривости могут остаться незаметными. Это подтверждает предположение о необходимости введения термина «общетекстовая» игра по отношению к ЯИ XIX века.

- *Матери наши уверяют, что они были очень милы в своих сквозных платьицах, пристегнутых на колене, в котурнах a la Poppée. Но первая забота Империи была отогреть эти посинелые от холода плечи и покрыть оледенелую от дыхания севера грудь, закутавши их манишками в два ряда, которые торчали продолговатыми складкам* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *Тысячевидный Протей, она вытягивается шляпкой-капотом безмерной величины, во время царствования incroyables (неимоверных), возвышается и надувается с короткими платьями и вычурами Империи, поддельваясь к английским модам 1815 года, она уменьшается, делается шляпкою-боливаром, потом вздергивается на самое темя головы, чтобы завтра съехать к самому корню волос, позволяя давать себе во всех сих изменениях тысячи названий* [«Телеграф» 1834, №34].

Типовые игровые случаи XX века, которые занимают обширное текстовое пространство, с одной стороны, выделяют текст, а с другой, в силу их высокой концентрации, делают его рядовым представителем литературной тенденции «нагромождения». Ввиду увеличения количества тех коммуникативных целей, которым они служат, авторы «нового поколения» создают как бы двойной текст – исходное содержание тесно переплетается с идеологическим. За счет этого территория для творчества увеличивается, равно как и роль той социальной (скорее именно социальной, а не культурной) осведомленности, которой необходимо обладать для участия в игре, например: В идейном винегрете Жеромского можно найти все, что угодно – петушинный польский патриотизм, несколько стручков «красного перца» и даже христианское непротivление злу [«Красная новь», июнь, 1925, № 5]. Представленные в тексте метафоры можно расшифровать только с опорой на конкретные социально-исторические знания: *петушинный польский патриотизм* – оборона польских войск в результате советского вторжения на территорию Польши, *несколько стручков красного перцу* – ироническое иносказание, подразумевающее официальное название части Вооружённых Сил сначала Советской России, а затем СССР.

Кроме того, ЯИ XIX столетия, опираясь на культуру сознания своего создателя, на его лингвокреативные способности, не заперта в

них, поскольку ее ассоциативная подвижность как бы выталкивает ее в общекультурный контекст эпохи. Понять такую игру, а значит, разгадать остроумное послание, может далеко не каждый, потому что правила ее весьма запутаны. Автор усложняет семантику слов и выражений, восприятие которых автоматизировано в сознании, изменяет структуру метафорического, фразеологического типа, не нарушая границ «жестких» уровней языка. Можно предположить, что нарушения норм языковой идиоматики на фонетическом, словообразовательном, лексико-семантическом, синтаксическом уровнях языка, авторы XIX века считали дурным тоном, ср.: *Издатель в составлении пестро-звучных оберток достиг до высочайшей степени совершенства: его можно по справедливости назвать Гомером – оглавлений. (Винюват! «Телеграф» соблазнил меня составлять новые слова: увидите в конце письма)* [«Сын Отечества» 1827, № 2].

В свою очередь ЯИ XX века выражается в более раскованных отношениях «человек – язык». В советский период, в результате того, что литературный авторитет отходит на второй план [Купина 1995: 8], а процесс идеологизации языка становится необычайно активным, меняется характер творческой направленности при создании случаев ЯИ. Идеологемы как культурно значимые мыслительные сущности внедряются не только в семантическую структуру слова, но и модифицируют словообразовательные гнезда, способствуя созданию особых фактов ЯИ. Таким образом, авторы-создатели игры легче преодолевают те границы, которые как бы установлены звуковой, грамматической оформленностью слова, что, естественно, нарушает его цельность, но в то же время демонстрирует скрытые возможности языка. Идеологичность языковой игры обуславливает:

1) экспрессивность ЯИ: она беспощадна к тем явлениям действительности, которые не соответствуют советской линии поведения, отсюда ее эмотивное содержание – раздражительность, ироничность, язвительность, ср.: *Долго, склонившись к моей подушке, // Когда веет кругом тишиной, // Александр Сергеевич Пушкин// Разговаривает со мной... Пожелаем поэту, чтобы Пушкин перешел от его подушки к его письменному столу* [«Красная новь», ноябрь 1925, № 8] – ироническое пожелание критика сопряжено с образом Пушкина, который популяризировался и «стал навещать и одаривать вдохновением» каждого посредственного поэта;

2) формирование особого класса слов, семантика которых заранее содержит некое предписание, ориентированное на идейность советского времени, ср.: *«Головановщина» именно вокруг этой волнующей при всех своих недостатках оперы точила когти и зубы* [Литературная

газета, 13 января 1930, № 2 (39)] – *головановщина* как буржуазное, консервативное начало в творчестве (по имени дирижера и композитора Н. С. Голованова, который, по мнению властей, препятствовал постановкам советского «новодела»);

3) эксплуатация конструктивных принципов ассоциативной провокации и ассоциативного наложения (51,4 % и 36,1 % соответственно). Казалось бы, такая сосредоточенность на двух способах внутренней организации ЯИ должна была привести к созданию однотипных, «ожидаемых» игровых фактов. Однако это, наоборот, способствовало концентрации авторской энергии для создания оригинальных, самобытных игровых шифров, пусть и в рамках одного механизма, ср.: *Мы читали в журналах стихи ее, если не в честь, то за честь мужа* [«Московский Телеграф», апрель 1830, № 7–8]. К XX же веку возрастает продуктивность всех конструктивных принципов (к числу уже названных присоединяются принцип ассоциативного отождествления, ассоциативной имитации, интеграции и выводитности), которые как бы стремятся к тому, чтобы быть равноценными по своей активности. Но это имеет и оборотную сторону: распыление творческих сил ведет к упрощению игры, некому возвращению ее на более простой уровень. Так, типология фактов не может похвастаться обилием многоступенчатой лингвистической игры: усложнением семантики фразеологизма, обращением к омонимии, многозначности, гиперонимам, паронимам и др. Стремясь прежде всего к убедительности, воздействующей силе текста, авторы нагромождают известные метафорические конструкты один на другой, или развивают новые, но довольно прозрачные метафорические отношения, например: *Конечно, газетная епиходовщина и в деревню проникла* [«Красная новь», сентябрь, 1925, № 7] – *епиходовщина* как черты неоправданной самоуверенности, нелепости и дилетантизма, проявляющиеся в данном случае в журналистской деятельности (по имени персонажа пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», который замечателен тем, что придает своей жизни ту загадочную отмеченность, которой нет на самом деле); *Эта глубинность записки, вскрывающей нижние плодородные жизненные пласты, позволяет автору идти по своему произведению выпрямившись и пользоваться только широкими жестами большого стиля* [«Новый мир, декабрь, 1925, № 12]; *Роман представляет собой громадный шаг вперед по отношению к предшествующим произведениям самого автора. Впервые в этом романе плуг его взрывает целину действительности. Еще недавно плуг этот романтически бороздил жизнь гораздо ближе к поверхности, лишь временами достигая ее плодородных пластов, хотя уже и тогда он обнаруживал остроту и крепость, которые позволяли*

ожидать, что он рано или поздно войдет в самую землю [«Новый мир, декабрь, 1925, № 12].

Таким образом, принимая формы, адекватные времени, ЯИ XX века становится более очевидной и «громкой», но вместе с тем ее творческая сила и ассоциативное богатство несколько ослабевают. Однако факт, что ЯИ как часть системы языка остро отзывается на все особенности его социального бытования и чутко реагирует на изменения ассоциативного фона эпохи, делает интересной любую ЯИ: и в XX и в XIX веке.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII-XIX вв. // Лингвистика креатива. – Екатеринбург, 2009.

Кутина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.

© Цыплякова К.О., 2012

И.А. Чиликова

Екатеринбург

Изучение единиц с национально-культурным компонентом значения на уроках русского языка в начальной школе

Ключевые слова: культуроведческая компетенция учащихся, изучение фразеологизмов в начальной школе, методика обучения фразеологии.

Язык – явление уникальное: он является средством общения и формой передачи информации, средством хранения и усвоения знаний, частью духовной культуры народа, средством приобщения к богатствам культуры народа.

В системе школьного образования русский язык как учебный предмет занимает особое место: является не только объектом изучения, но и средством обучения. Не случайно языковое образование понимается сегодня как «процесс и результат познавательной деятельности, направленной на усвоение основ теории языка в целях коммуникации, на речевое, умственное и эстетическое развитие, на овладение культурой народа – носителя данного языка» [Рамзаева 2009: 76].

«Содержание курса русского (родного) языка в основной школе обусловлено общей нацеленностью образовательного процесса на достижение метапредметных и предметных целей обучения, что возмож-